

III. 2. Динамика изменения представлений о материальных ценностях у населения Софии XVIII в. (по данным наследственных описей)⁷⁴

В протоколах о распределении наследств, которые составлялись в кадийских судах и записывались в дневниках входящих и исходящих документов (сиджилах), содержатся детальные описи распределяемого между наследниками имущества и его оценка в денежном эквиваленте.

Круг зафиксированных в описях имущества объектов и предметов очень широк: при составлении протоколов учитывались дома, сады и виноградники, домашняя утварь, предметы интерьера, одежда и многое другое. Детальный анализ этих сведений позволяет проследить, что именно воспринималось горожанами как ценность, как изменялся круг значимых предметов и развивалось представление о материальных ценностях на протяжении XVIII в. Кроме того, поскольку источник содержит сведения о членах как мусульманской, так и христианской общин Софии, это делает возможным сопоставление круга материальных ценностей представителей двух конфессий. Данное исследование проводилось на основе публикации наследственных протоколов кадийского суда г. Софии, охватывающих период 1730 – 1830 гг. Публикация «Турски извори за българската история» представляет собой дословный перевод документов⁷⁵ на болгарский язык с подробными комментариями переводчиков и факсимиле представленных документов (ТИБИ 1977).

Одним из важнейших показателей уровня развития культуры и, в частности, грамотности населения является степень распространенности книг. В наследственных описях они упоминаются нечасто и в большинстве случаев встречаются у мусульман. Все упомянутые книги – как у мусульман, так и у христиан – принадлежат мужчинам. Ни в одном из протоколов, посвященных наследству женщин, книги не упоминаются.

⁷⁴ Авторская работа выполнена по гранту РФФИ № 18-512-76003 «Лингвистическая и этнокультурная динамика традиционных и нетрадиционных ценностей в славянском мире» в рамках Программы ERA.Net.RUS Call 2018 (проект #472–LED–SW).

⁷⁵ Цитаты из источника приводятся на русском в переводе автора.

В начале исследуемого периода в описях имущества в первую очередь упоминается Коран. Эти книги фигурируют в описях имущества состоятельных людей, наследство которых в разы превосходит наследство других горожан. Стоимость их достаточно велика – в протоколе о наследстве заптие⁷⁶ с. Бояна Коран оценен в 840 акче⁷⁷, как и «старый кафтан», принадлежавший этому же человеку (ТИБИ 1977, 88). В том же году в 273 акче были оценены 13 овечьих шкур, принадлежавших ремесленнику-христианину (ТИБИ 1977, 78). Это позволяет предполагать, что Коран в подобных случаях представляет собой предмет материальной ценности и элемент престижа. Вероятно, речь идет о Коране в богатом окладе?

В то же время материальное благополучие вовсе не обязательно подразумевало образованность. Так, в протоколе о наследстве силяхдара⁷⁸ Эссеида Мехмеда Аги (1750 г.) (ТИБИ 1977, 51-56), общее состояние которого составляло миллионную сумму – 1 395 256 акче, – книги, в том числе и Коран, не значатся.

После 1800 г. Коран и священные книги мусульман в наследственных протоколах упоминаются чаще. К тому времени их издания стали более доступны и, вероятно, уже не воспринимались как предмет роскоши, доступный лишь очень состоятельным людям. На это указывает и падение их стоимости. Так, в протоколе 1814 г. о наследстве кузнеца Эссеида Халила Коран оценен в 1 куруш⁷⁹ и 21 пара⁸⁰, в то время как стоимость его коня составила 125 курушей, 24-х куриц – 12 курушей, а дом был оценен в 800 курушей (ТИБИ 1977, 172-176).

Вместе с тем нельзя сказать, что Коран и священные книги получили более широкое распространение: их упоминания в документах по-прежнему нечасты. Но если ранее они встречались в описях имущества богатейших людей, явно относящихся к элите города, то в XIX в. круг собственников, имеющих возможность и желание приобрести эти книги, расширился – в основном за счет зажиточных ремесленников и торговцев. В наследственных протоколах менее обеспеченных людей Коран и другие книги по-прежнему не упоминаются.

⁷⁶ Заптие – жандарм.

⁷⁷ Акче – мелкая серебряная монета, постепенно обесценивающаяся после 1687 г. и на протяжении XVIII в. переставшая играть роль при денежном исчислении.

⁷⁸ Силяхдар – оруженосец султана или другого высокопоставленного лица.

⁷⁹ Куруш – серебряная монета, равнявшаяся 120 акче, или 40 пара.

⁸⁰ Пара – серебряная монета, равнявшаяся 3 акче, или 1/40 куруша.

Что касается священных книг представителей других религий, их упоминания в наследственных описях встречаются значительно реже. Если в описях имущества мусульман Коран и священные книги почти всегда открывают перечень имущества умершего и ставятся на первое место, то в списке имущества немусульман такого значения священным книгам не придавалось: в описях они перечисляются, как правило, среди сугубо бытовых предметов. Определение «священные» относительно книг также практически не встречается. Мы можем лишь предполагать, что в первую очередь речь идет о богослужебных книгах. Очевидно, такое положение книг в реестрах продиктовано позицией мусульманского кадийского суда, не считающего возможным давать определение «священности» применительно к иным религиям.

«Еврейская книга» упомянута только в одном протоколе – о наследстве трактирщика-еврея Авраама (1762 г.) (ТИБИ 1977, 94-95). Как и в протоколах мусульман, здесь книга стоит на первом месте и открывает список вещей. Она оценена в 330 акче (для сравнения: три подушки оцениваются в этом протоколе в 450 акче, а общая стоимость имущества составила 33 274 акче).

Среди христиан можно было бы предполагать наличие книг в наследстве священников. Их имена в описях XVIII в. встречаются четырежды, однако только в двух случаях в перечнях упомянуты книги. Первый протокол касается наследства Попа Йована (1731 г.). В его имуществе присутствует лишь одна книга, оцененная в 100 акче (для сравнения: весь дом священника был оценен в 24 000 акче, а «принадлежности священника», упомянутые в перечне вещей рядом с книгой, – в 15 акче; в 150 акче оценена «кастрюля с крышкой») (ТИБИ 1977, 28-29).

Целая библиотека фигурирует в более позднем протоколе – перечне имущества другого священника, Анастаса (1790 г.) (ТИБИ 1977, 119-120). Он представляется достаточно состоятельным человеком: в списке его имущества немало ценных вещей – например, золотое украшение с драгоценными камнями, цена которого составила 25 курушей. Чтобы понять, насколько велика для своего времени была стоимость его библиотеки, можно привести пример из протокола его современника Станчо (1790 г.) (ТИБИ 1977, 118-119), в наследстве которого овца оценена в 2 куруша, а это меньше стоимости одной из книг Анастаса.

Богослужебные книги, как и церковная утварь, не принадлежали лично священнику, а являлись собственностью прихода, и, таким образом, их отсутствие в перечне личных вещей священнослужителей вполне объяснимо. Напротив, библиотека Попа Анастаса, где в общей

сложности насчитывалось более 20 книг, позволяет говорить о нем как о неординарном для своего времени человеке.

Кроме священников, книги упомянуты в наследственных описях еще двух болгар. У абаджи Йована в 1798 г. книги в количестве пяти штук оценены в 3 и $\frac{1}{2}$ куруша (ровно во столько же оценен принадлежавший ему кожух) и закрывают список его имущества. Получается, что каждая из них стоит 84 акче, что является относительно невысокой ценой. Сказать, что это за книги, не представляется возможным – в описи отсутствуют какие-либо указания на сей счет (ТИБИ 1977, 133-135).

Помимо богослужебных книг, а также книг, точное назначение которых не обозначено, в источнике упомянуты два издания, ориентированные на массового читателя и заведомо не богослужебные. Речь идет в первую очередь о букварях, которые присутствуют в перечне имущества Николчо (1809 г.) (ТИБИ 1977, 153-155). Во вступлении к протоколу не сказано, чем именно он занимался, однако, судя по описанному имуществу, Николчо был галантерейщиком. Буквари в количестве 13 штук, общей стоимостью 26 пара, упомянуты в перечне его вещей рядом с деревянными гребнями (60 штук – 30 пара), хлопковыми нитками ($\frac{1}{2}$ катушки – 8 курушей) и половиной рулона бумаги стоимостью 8 курушей. Не возникает сомнений, что буквари в данном случае предназначались на продажу. Цена за букварь в 2 пара (6 акче) является достаточно низкой, что говорит о доступности и массовости этого издания.

Еще одним примером массовой литературы, упомянутой в наследственных описях, является сонник, встретившийся в протоколе о наследстве брадобрея-мусульманина Моллы Али (1833 г.) (ТИБИ 1977, 219-222). В перечне его имущества Коран и священные книги также упомянуты. Сонник оказался достаточно дешевым для своего времени изданием – 1 куруш (во столько же в этом протоколе оценены «две пуговики» и корыто).

Упоминание букварей и невысокая цена на них позволяют сделать вывод о распространении грамотности среди населения Софии и несомненном росте интереса к обучению. Сонник, упомянутый в протоколе о наследстве обычного горожанина-брадобрея, указывает на постепенное распространение умения читать и стремления к чтению, о его доступности для более широкого круга людей.

Другой важный показатель благосостояния людей в XVIII–XIX вв. – оружие, которое одновременно могло являться как средством самозащиты, так и предметом роскоши.

В Османской империи право носить оружие имели лишь лица, состоявшие на службе, курьеры губернаторов и других крупных чиновников; во время разъездов они имели при себе саблю или пистолет, иногда сабля заменялась ятаганом.

В наследственных протоколах оружие встречается очень часто (как огнестрельное, так и холодное). При этом число упоминаний оружия в наследственных протоколах мусульман несравнимо больше, чем в протоколах христиан. Всего в 100 имеющихся в нашем распоряжении протоколах фигурируют 37 мусульман-мужчин, и в имуществе 32-х из них упомянуты те или иные виды оружия. Из 43 мужчин-христиан обладателями оружия были всего четверо. Столь существенная разница связана с тем, что законы шариата запрещали «неверным», живущим на завоеванных мусульманами землях, носить оружие (Гиргас 1865, 35).

Оружие, упомянутое в наследственных описях жителей г. Софии, весьма разнообразно: это различные виды сабель, ятаганы, реже кинжалы. Из огнестрельного оружия можно выделить пистолеты, ружья и «пушки» – оружие для охоты. У христиан холодное оружие не упоминается – в описях их имущества представлены только ружья и пистолеты.

Впервые пистолет, принадлежащий христианину, упомянут в протоколе о наследстве плотника Стефана (1731 г.) (ТИБИ 1977, 27-28). Пистолет оценен всего в 45 акче, и такая цена кажется низкой для оружия: например, в 60 акче оценены пять старых подушек, а в 15 акче – топор, принадлежащий Стефану. Описание имущества Стефана содержит всего 15 пунктов (включая дом и набор плотницких инструментов), что довольно мало, и общая стоимость имущества относительно невелика – 4755 акче (например, у его современника Шатыр Мехмеда, также скончавшегося в 1731 г., общая стоимость имущества составила 19 269 акче) (ТИБИ 1977, 26-27). Можно сказать, что пистолет в данном случае действительно воспринимался как предмет необходимости, а не как некоторый излишек и тем более не как ценность.

Большое число единиц огнестрельного оружия представлено в наследственном протоколе абаджи Йована (1798 г.) (ТИБИ 1977, 133-135), где упомянуты три пистолета общей стоимостью 10 курушей, три ружья, оцененные в 15 курушей, и «ружье и мелочи» за 1 куруш. Цена в 3,3 куруша за пистолет и 5 курушей за ружье выглядит средней. По всей вероятности, как и в предыдущем протоколе, оружие в данном случае также является скорее предметом необходимости, нежели ценностью. Нельзя исключить и то, что пистолеты и ружья пред-

назначались для продажи, поскольку перечислены они среди товаров абаджи Йована: например, следующим пунктом описи после ружей являются 14 шнурков-повязок общей стоимостью 7 курушей. Хотя торговля оружием для мастера-абаджи – ремесленника, занимающегося изготовлением грубой шерстяной ткани и верхней одежды из нее, – кажется странной.

Огнестрельное оружие, принадлежавшее мусульманам, более разнообразно. Пистолеты и пушки в мусульманских протоколах нередко богато декорированы, украшены серебром. Со временем дорогое оружие становится всё более популярным, а начиная с середины XVIII в. всё чаще в наследственных протоколах упоминаются посеребрённые пистолеты и ружья, оружие с рукоятками, декорированными золотом, серебром и перламутром.

Практически в каждом документе, посвященном рассмотрению наследства мужчин-мусульман, фигурирует холодное оружие. Чаще всего упоминаются различные виды сабель, являвшихся, вероятно, самым дешевым и распространенным оружием. Сабли упоминаются в протоколах даже бедных горожан. Нередко они помечаются как «старые» и стоят дешево. Так, в наследстве брадобрея Абди (1814 г.) (ТИБИ 1977, 191-192), который, судя по документу, был небогатым человеком, упомянуты две старые сабли общей стоимостью 2 куруша и 21 пара. Два пистолета в этом протоколе оцениваются в 24 куруша, а ятаган – в 56 курушей.

Можно констатировать, что оружие являлось неотъемлемой частью жизни мусульманского населения Софии. Упоминание различных его видов практически в каждой имущественной описи вне зависимости от финансового состояния покойного, его социального статуса и рода занятий контрастирует с практически полным отсутствием оружия у христианского населения города. Нельзя не заметить, что если среди мусульман самым распространенным оружием является сабля, то в наследственных протоколах христиан холодное оружие не упоминается вообще, чаще всего из оружия встречается пистолет. Можно заключить, что если мусульманами оружие в XVIII – XIX вв., помимо его первичного функционального значения, в большой степени воспринимается как элемент престижа, то христианам оружие, будучи редкостью, в первую очередь служило по прямому назначению. При этом, несмотря на официальное разрешение со стороны османских властей на ношение христианами оружия, тенденции к увеличению его количества в данной среде в конце XVIII в. не наблюдает-

ся. Это позволяет сделать следующий вывод: рост числа вооружения у населения в период Кырджалийской смуты, о чем пишут исследователи (Мутафчиева 1997; Мутафчиева 2008; Лори 1997), не коснулся крупных городов в столь значительной мере, как сельских поселений.

Значимым показателем специфики материальной культуры городского населения Софии представляются различные виды ювелирных изделий. Украшения, утварь из драгоценных металлов упоминаются в наследственных протоколах достаточно часто. Среди их обладателей – разные по социальному положению люди. В некоторых документах перечни изделий из серебра и золота составляют лишь незначительную часть описи имущества, а их стоимость кажется несущественной по сравнению с общим состоянием их владельцев. В протоколах о наследстве более бедных горожан цена браслета или серег могла составлять бóльшую часть общей стоимости всего имущества, включая дом. Подобные примеры часто встречаются в имущественных описях христиан.

В большинстве протоколов, посвященных рассмотрению вопросов о наследстве женщин, упоминаются браслеты, чуть реже серьги, ожерелья. Стоимость этих вещей достаточно высока. Также нередки упоминания «серебряных поясов». Вероятно, имеются в виду пояса из нанизанных на кожаную ленту металлических пластинок или пряжек различной формы с растительными, зооморфными или антропоморфными мотивами. Они являлись почти постоянным украшением женского костюма, а также обязательным свадебным подарком со стороны жениха (Хаджиниколов 1984, 101). Нередко ювелирные изделия и дорогие пояса в протоколах записаны как «старые». Это может свидетельствовать о том, что подобные старинные родовые вещи переходили от поколения к поколению, воспринимаясь как семейная реликвия.

Серебряные пояса упоминаются в описях имущества даже небогатых людей. Так, в протоколе о наследстве христианки Велики (1756 г.) (ТИБИ 1977, 69), где большинство вещей определены как «старые», наряду с явно накопленными «монетами по 5 и 4 пара», в итоге оцененными в 720 акче, упомянут также серебряный пояс стоимостью 480 акче.

Серебряные пояса фигурируют и в протоколах о наследстве мусульманских женщин. Всего в нашем распоряжении имеется два таких протокола – оба они относятся к 1731 г., и обеих женщин зовут Айша-хатун. У каждой из них было по одному серебряному поясу, которые были оценены в 300 и 330 акче (ТИБИ 1977, 30-31; 31-33).

Скорее всего, на продажу предназначались 34 серебряных пояса, из описи имущества брадобрея Али Челеби (1739 г.) (ТИБИ 1977, 41-42). Они относительно недороги: каждый оценен в 21 акче. Но общая их стоимость составила 714 акче, что сопоставимо, например, с ценой коровы того же Али Челеби – 720 акче.

Ситуация, когда стоимость ювелирных украшений являлась значительной частью наследства, особенно типична для протоколов о наследстве женщин-христианок. Так, много драгоценностей зафиксировано в перечне имущества христианки Трандафилы (1809 г.) (ТИБИ, 147-148). Среди вещей этой женщины имелись один «серебряный пояс с кемером» (стоимостью 25 курушей) и пояс с пряжкой (1 куруш и 30 пара). Интересен остальной набор ее драгоценностей. Дешевле пояса, но также достаточно дорого, в 15 курушей, были оценены две пары золотых сережек. Серьги упоминаются в наследственных протоколах нечасто, и в большинстве случаев речь идет о серебряных изделиях. По данным исследований, наиболее широко у болгар были распространены украшения, изготовленные из сплава серебра и меди с добавлением мышьяка (хотя в нашем источнике подобные тонкости вряд ли учтены, а в протоколе, скорее всего, эти изделия названы серебряными). Украшения из чистого серебра были редкостью, а ювелирные изделия из золота или с позолотой считались привилегией особенно богатых людей (Хаджиниколов 1984, 100).

В наследственной описи Трандафилы упоминаются и другие золотые предметы: два наперстка, оцененные в 4 куруша, и два перстня – 5 курушей. Внимание привлекают также золотые монеты в этом перечне: «1 золотая монета – 1 куруш; четвертинки золотых монет, 20 (шт.) – 47 и $\frac{1}{2}$ куруша; большая золотая монета, 1 (шт.) – 10 курушей» (ТИБИ 1977, 148). Деление монет из драгоценных металлов на половинки и четверти – известная практика, сложившаяся еще в средневековье; монеты в таких случаях являлись сокровищем в прямом смысле этого слова и могли быть использованы исходя из своего веса, см. (Потин 1993; Янин 1956). Общая стоимость золотых и серебряных предметов, принадлежавших Трандафиле, составляла 116 курушей и 40 пара, в то время как ее дом был оценен в 200 курушей, а общая стоимость всего имущества определена в 480 курушей и 10 пара.

У Трандафилы, как и у многих других женщин, в перечне имущества значился «серебряный гердан». Как отмечают историки болгарской традиционной культуры, это «любимые женские украшения, ожерелья, с основой из проволочной плетенки или связанные звенья-

ми цепочки с подвешенными на передней части подвесками или круглыми пластинками с цветной эмалью» (Хаджиниколов 1984, 101).

Ожерелья, как и некоторые другие украшения, упоминаются и в наследственных описях мужчин. Так, в протоколе о наследстве христианина Стойко (1776 г.) (ТИБИ 1977, 111-112) упомянут серебряный гердан стоимостью 240 акче. И среди мужчин, и среди женщин были, судя по документам, очень распространены браслеты, упоминаемые среди имущества как мусульман, так и христиан; цена их различна. Так, в протоколе уже упоминавшегося бояджи Ахмеда Челеби (1731 г.) (ТИБИ 1977, 23-25) названа пара золотых браслетов стоимостью 11 780 акче. Для сравнения можно упомянуть, что в том же 1731 г. дом небогатого шорника Ибрагима Челеби (ТИБИ 1977, 30-31) был оценен в меньшую сумму – 5400 акче.

Также очень дорого оценены браслеты плотника Стефана (1731 г.) (ТИБИ 1977, 27) – 1440 акче, в то время как « $\frac{1}{2}$ часть дома», принадлежавшая ему, стоила 1200 акче. Интересно, что в данном протоколе браслеты записаны с определением «браслеты неверных». Что имели в виду составители протокола, неясно; можно предположить, что это были браслеты с религиозной символикой.

Известно, что в среде болгарского населения браслеты всегда были очень популярны. Они изготавливались «из плетеной проволоки с шарнирно связанными концами, составленными из полых полусферических дужек с полихромным украшением из цветной эмали, или составлялись из подвижно связанных пластинок» (Хаджиниколов 1984, 101). В большинстве протоколов браслеты не выглядят предметом престижа, цена их не очень высока, и встречаются они довольно часто.

Реже, всего в шести протоколах из ста, упоминаются серьги. В двух случаях из шести серьги принадлежат мужчинам. Так, в протоколе о наследстве христианина Стойко (1776 г.) (ТИБИ 1977, 111-112) «пара старых серег» оценена в 45 акче (его серебряное ожерелье стоит 240 акче). Складывается впечатление, что для этого небогатого человека украшения играли роль памятной ценности (возможно, семейной реликвии). В протоколах о наследстве женщин серьги, как правило, значительно дешевле по сравнению с другими украшениями. Исключения представляют золотые серьги, принадлежавшие мусульманке Айше-хатун (1731 г.) (ТИБИ 1977, 31-32), которые были оценены в 1440 акче. В то же время ее дом оценен в 6000 акче. Важно отметить, что нередко при перечислении ювелирных изделий они определяются переписчиками как «старые», что позволяет предположить: они на-

ходились в этой семье не одно поколение и, возможно, сохранялись в качестве семейной реликвии.

Показателем прогресса можно считать появление часов. Домашние часы получили распространение только в XVIII в. В Европе в это время они становятся модным дополнением интерьера; появляется множество новых их видов и вариантов. Центрами производства часов, в том числе в латунных корпусах, были в тот период Франция и Германия (БИЭД 1983, 323).

Наследственные описи позволяют проследить, как постепенно часы, становясь дешевле и, следовательно, доступнее, входили в жизнь обитателей Софии.

По данным нашего источника, в первой половине XVIII в. обладателями часов были богатые люди; общее состояние некоторых из них превышало миллион акче. В описях имущества упоминаются, как правило, настенные часы в корпусах из драгоценных металлов.

Судебному писарю Мустафе Эфенди (1750 г.) (ТИБИ 1977, 56-63), судя по протоколу – очень состоятельному человеку, кроме золотых настенных часов (7200 акче) и «еще одних настенных часов», материал которых не указан, а стоимость составила 1200 акче, принадлежали также «настенные часы из панциря морской черепахи», стоившие 4800 акче. Часы с инкрустацией из панциря черепахи появились во Франции в эпоху Людовика XIV и были популярны на протяжении всего XVIII в. (БИЭД 1983, 323). В этом же протоколе впервые назван будильник. Его стоимость, 4200 акче, близка к цене часов из панциря черепахи. В условиях жизни тогдашней Софии такие суммы за часы сопоставимы со стоимостью небольшого дома (4800 акче в 1756 г. – наследство христианки Магды) (ТИБИ 1977, 70-71).

Упоминание в документах XVIII в. недорогих серебряных и латунных часов встречается гораздо реже. Они принадлежали в основном успешным ремесленникам и торговцам. Таковы серебряные часы в описи имущества торговца-галантерейщика Панайота, сына Костадила (1756 г.) (ТИБИ 1977, 63-66). Они были оценены всего в 600 акче. Вероятно, это были более простые и доступные в то время настольные часы.

В один куруш (120 акче) были оценены сломанные часы священника Анастаса (1790 г.) (ТИБИ 1977, 119-120). Видимо, вещь, будучи сломанной, всё равно заносилась в опись имущества как еще представляющая какую-то ценность. Среди вещей Анастаса упомянут и будильник стоимостью 8 курушей. Эта цена сопоставима со стои-

мостью его сундуков, оцененных в ту же сумму, или с «серебряным поясом, 46 дирхемов⁸¹» ценою в 9 курушей.

В 1792 г. в Силистре серебряные часы в футляре были преподнесены в ходе бракоразводного процесса тестем бывшему супругу его дочери (Ivanova 1996, 114). Документы бракоразводного процесса не предоставляют сведений об их точной стоимости, но общий перечень подарков, которыми обменялись обе стороны процесса (пара серебряных пистолетов и отрезы дорогих тканей), позволяет говорить о том, что речь идет о дорогой вещи, считающейся статусной. Этот случай, относящийся к другому городу, показывает: ситуация в Софии не уникальна, и в конце XVIII в. часы, оставаясь престижным предметом, перестали быть редкостью в балканских землях Османской империи.

В документах более позднего времени упоминания часов встречаются всё чаще, круг их обладателей расширяется – они фигурируют в протоколах о наследстве всё большего числа ремесленников и торговцев. Владельцами часов по-прежнему чаще оказываются мусульмане, чем христиане.

Оставаясь достаточно дорогими, часы в то время всё более утрачивают признаки элемента престижа и постепенно становятся предметом обихода. Реже в описях имущества даются пояснения о материале, из которого часы сделаны, реже упоминаются настенные часы. Растет количество будильников, которые постепенно становятся дешевле.

Позже часов в обиходе жителей Софии появились зеркала. В изученных нами наследственных описях зеркала упоминаются нечасто. Первое их упоминание относится к концу XVIII в. – 1792 г. В протоколе о наследстве лавочника Николчо (ТИБИ 1977, 126-127) зафиксировано семь зеркал общей стоимостью 360 пара. Судя по их количеству, они предназначались для продажи. Цена каждого из зеркал – примерно 51,5 пара, или 154 акче. Такая цена не кажется очень высокой, если сравнивать ее с остальными товарами Николчо. Так, в 13 пара оценена каждая из 114 кофейных чашечек, продававшихся в его лавке; 40 пара стоят ножницы. Товары, обозначенные в списке имущества Николчо, не подходят под определение роскоши – это рядовые предметы быта, а также ткани по относительно низким ценам.

На продажу, вероятно, предназначались также «коробки с зеркалами» из наследственного протокола Цинцара Коце (1798 г.) (ТИБИ 1977, 131-133). В описи есть несколько упоминаний о зеркалах: две «коробки с зеркалами» за 2 куруша и 21 пара, восемь «коробок

⁸¹ Дирхем – мера веса: 3,12 г.

с зеркалами», стоимостью всего 21 пара, и одно зеркало, которое, возможно, не предназначалось для продажи, а принадлежало самому Цинцару Коце, стоимостью 15 пара. Никаких характеристик, которые могли бы объяснить разницу в стоимости этих зеркал, в описи имущества не содержится. Можно предположить, что она зависела от размера.

Единственная женщина, в описи имущества которой упомянуто зеркало, – христианка Ката (1806 г.) (ТИБИ 1977, 140-142). Наряду с большим числом золотых и серебряных украшений, Кате принадлежало «золотое зеркало» (вероятно, зеркало в золотой оправе), стоимостью 10 курушей, и «просто» зеркало, оцененное в 2 куруша. По стоимости зеркало в золотой оправе близко к коралловому ожерелью, оцененному в 10 курушей и 39 пара, но в целом является далеко не самой дорогой вещью в наследстве этой женщины.

Еще два упоминания о зеркалах, относящиеся к 1833 г., встретились в описях имущества двух брадобреев – Элхаджа Мустафы (ТИБИ 1977, 213-214) и Моллы Али (ТИБИ 1977, 219–223). В обоих документах зеркала упомянуты в специальном пункте «опись имущества, находящегося в цирюльне» и определены как специально предназначенные для работы цирюльника. Стоимость их невысока. Зеркала, упомянутые в протоколе брадобрея Моллы Али, инкрустированы перламутром и стоят 10 курушей и 9 пара и 20 курушей. Разница в стоимости, вероятно, также объясняется разным размером зеркал.

Подводя итог, можно сказать, что, по данным наследственных протоколов, зеркала, появившись в Софии относительно поздно, были достаточно распространены. Стоимость их, как правило, невелика. Лишь в одном из шести упоминаний говорится о зеркале в золотой оправе, и только в данном случае мы можем с уверенностью утверждать, что это именно собственность умершего. В остальных случаях зеркала фигурируют только как товар или, как в случае с брадобреями, в качестве рабочего инвентаря.

Редкими среди обиходных вещей были очки. В имеющихся в нашем распоряжении протоколах они упоминаются дважды. В первом случае, а именно в протоколе о наследстве грека Анастаса (1808 г.) (ТИБИ 1977, 144-147), фигурируют три пары очков общей стоимостью 4 куруша и 6 пара. Эта цена кажется совсем невысокой: она сопоставима, например, со стоимостью рулона бумаги, упомянутого в той же описи, – 6 курушей и 1 пара; 1 кебе⁸² оценено здесь в 3 куру-

⁸² Кебе – короткая крестьянская накидка из грубого сукна.

ша и 1 пара. Очки помещены в списке товаров между катушками ниток и швейными иглами и, скорее всего, также предназначались на продажу.

В качестве личной вещи очки фигурируют лишь один раз. Они принадлежали Цинцару Коце (1798 г.) (ТИБИ 1977, 131-133), долги которого превышали наследство, и поэтому его имущество после торгов было полностью передано кредиторам. Две пары очков здесь были оценены в 1 куруш и 14 пара, и еще одни очки были помещены в общий пункт описи с несколькими гребешками и коробками и оценены в целом в 30 пара. Подобное объединение разных вещей, «мелочей», в один пункт описи, возможно, объясняется их неисправностью. В то же время упоминание очков в протоколах о наследствах далеко не самых богатых горожан в конце XVIII в. говорит об их относительной доступности и позволяет судить об уровне развития медицины и распространении элементов европейской культуры в городском обществе Софии того времени.

Среди вещей, упоминаемых в описях, иногда встречаются предметы, присутствие которых в данном контексте может показаться абсурдным. Самым ярким из подобных примеров являются «палочки для зубов (зубочистки?), 70 (шт.)», стоимостью 480 акче, которые упомянуты в протоколе о наследстве судебного писаря Мустафы Эфенди (1750 г.) (ТИБИ 1977, 56-63). Их цена превышает стоимость «сундука из кипарисового дерева», оцененного в 300 акче, а также набора инструментов кузнеца Дервиша Али (1739 г.) (ТИБИ 1977, 46-47).

Столь высокая цена зубочисток и точное указание их количества странны только на первый взгляд. В Англии XVI века, например, зубочистки были распространены: уход за полостью рта в елизаветинский период британской истории стал обязательным элементом светской жизни, а «зубочистки из дерева плохо соответствовали облику и положению богатых людей. Следовательно, их делали из золота или серебра и носили с собой в специальных футлярах, украшенных драгоценными камнями» (Бартон 2005, 219).

Таковы примеры обычных и необычных вещей, зафиксированных в описях имущества жителей Софии XVIII–XIX вв. Анализ распространения в городской среде книг, оружия, ценностей позволяет сделать ряд выводов о развитии бытовой культуры болгарского и турецко-мусульманского населения Софии.

На протяжении рассматриваемого периода расширяется круг вещей, обязательно присутствующих в описях имущества даже самых бедных горожан. Более востребованными и доступными становятся

книги. Если в начале рассматриваемого периода в описях имущества фиксировалась в первую очередь религиозная литература, а среди христиан обладателями книг были главным образом священнослужители, то к началу XIX в. в источнике появляются упоминания светской литературы. Книги становятся более дешевыми, а круг их владельцев расширяется. Это свидетельствует о распространении грамотности среди населения независимо от религиозной принадлежности.

Анализ источника показал, что обладание оружием, особенно дорогим, в рассматриваемый период остается прерогативой мусульман. Прежде всего это касается холодного оружия – кинжалов, сабель и ятаганов, нередко дорого украшенных и явно выполнявших роль предметов роскоши. Изначально ношение оружия, по законам шариата, «неверным» было запрещено. Несмотря на это, на протяжении всего рассматриваемого периода огнестрельное оружие присутствует в описях имущества христиан. В данном случае необходимо подчеркнуть различие между юридическими понятиями «ношение» и «владение» оружием, что можно рассмотреть на примере современного закона об оружии. *Ношение* подразумевает систематическое фактическое наличие оружия у лица при перемещении за пределами помещения, где осуществляется хранение оружия. Правом на ношение оружия может обладать как его владелец, так и лицо, специально наделенное таким правом, – например, полицейский в отношении служебного оружия, которое выдается ему только на время исполнения служебных обязанностей. *Владение* же подразумевает фактическое обладание оружием на праве собственности или ином законном праве. Однако владелец оружия далеко не всегда имеет право его носить и применять. Иногда даже не имеет права хранить, а обязан передать в специализированную военизированную организацию.⁸³ Таким образом, христиане, владея оружием, не нарушали запрета на его ношение.

При этом тот факт, что в отличие от дорогого украшенного оружия, часто принадлежавшего мусульманам, у немусульман преобладают обычные, недорогие ружья и мушкеты, показывает, что в их среде оно не играло роль статусной вещи, а использовалось исключительно по назначению. Его фиксация в официальных документах, составленных в шариатском суде, являющемся органом государственной администрации, показывает, что официальные власти знали о владе-

⁸³ Федеральный закон РФ «Об оружии» и Постановление Правительства РФ от 21.07.1998 № 814 «О мерах по регулированию оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации».

нии оружием немусульманским населением и не усматривали здесь нарушения каких-либо законов и норм. В годы кырджалийской смуты немусульманам было разрешено носить оружие, чтобы иметь возможность защитить себя и свою семью от нападений разбойников. Анализ имущественных описей при этом не выявил серьезного роста количества огнестрельного оружия среди немусульманского населения Софии. Можно предположить, что это объясняется меньшей степенью вовлеченности жителей Софии в события кырджалийской смуты и меньшей потребностью горожан в самозащите по сравнению с сельскими жителями и населением более отдаленных уголков Румелии.

Анализ состава дорогих украшений, зафиксированных в наследственных протоколах женщин, указывает на традиционность в XVIII в. женского праздничного костюма, включавшего серебряные пояса. Преемственность и долгое использование этих украшений, передача их из поколения в поколение внутри семьи подтверждаются частым указанием на то, что это «старые» вещи. Распространение часов, постепенный выход их за пределы круга предметов, воспринимающихся исключительно как предмет роскоши и элемент престижа, свидетельствуют как о развитии их производства, так и о расширении группы их основных потребителей – успешных торговцев и ремесленников.

Кроме того, необходимо отметить тесную связь ценностей материальных и духовных: семейное наследство тесно связано с такими аксиологическими категориями, как память, род, родное место (родина), дом и др., вследствие чего ценность материальных объектов не следует сводить исключительно к имущественным аспектам.⁸⁴

Анна Андреевна Леонтьева

⁸⁴ Подобные факты мы зафиксировали в экспедиции в село Славяново (община Попово, Болгария) в 2019 г., где как в турецких, так и в болгарских семьях тщательно сохраняются предметы быта, традиционная одежда (в том числе свадебное покрывало невесты, принадлежавшее матери респондента и вышитое ею), которые воспринимаются в контексте культурно-духовного родового наследия.